

В которой рассказывается
о загадочном прошлом
Предвестника и о тяготах его
жизни в Воспитательном доме
мисс Карбункул для никчемных
и ничтожных

Прискорбное начало

НОГО ИМЕН ПЕРЕБЫВАЛО У НЕГО, прежде чем он назвался Предвестником: называли его и Лужей, и Лопухом, и Червяком, и Шельмецом, и тому подобными прозвищами. Он не особенно возражал даже и против Червяка. По-настоящему противно ему было лишь первое из всех имен, которые он помнил: Тринадцатый. Даже и не имя, а две цифры, написанные красными чернилами на листе бумаги, который хранился в узком выдвижном ящике, в комнате, где стояли сотни шкафов с тысячами одинаковых ящиков. Эти же цифры были выбиты на жестяном кругляше, который надели на шнурок и повязали ему на шею в доме для никчемных. Метки с этим числом были нашиты на его истрепанную серую рубашку и мешковатые серые штаны. Две цифры были написаны краской на изножье узкой и жесткой койки, одной из многих в ряду других таких же коек, обладатели которых,

никчемные и никому не нужные существа, были все же достаточно везучи, чтобы иметь настоящие имена, данные им при рождении.

С виду похож на лисенка, однако на двух ногах, словно человеческое дитя, да и без хвоста — какой там хвост, одно название. Глаза его, карие и бархатистые, отливали золотом. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что, несмотря на юный возраст, он несет в себе неизъяснимую печаль.

В сердце своем он был невиннейшим из созданий, однако кто он таков — никто не знал. Голова у него была совершенно лисья, но вытянутая мордочка скорей напоминала собачью, а кроме того, было и нечто кроличье в том, как подрагивал его нос, чуя опасность, и как вздрагивал он при каждом звуке приютского колокола. Самой же приметной его чертой было то, что у него не хватало одного уха.

При каких обстоятельствах лишился он уха (или был рожден одноухим) — он не знал. Правое ухо его, острое, лисье, бархатистое, поросло тем же темно-рыжим мехом, который укрывал все его тело с ног до головы, если не считать похожего на лист белого пятнышка на груди. В остальном, если не считать недостающего уха, Тринадцатый ничем не отличался от прочих своих собратьев, по крайней мере, внешне, ибо в мире, где он жил, грань между зверями и людьми была весьма зыбкой. Впрочем, его все равно считали странным. «Ишь, корноухий! — шептались

у него за спиной. — За такими беда по пятам ходит. Поди, и глух как пень. Вот так имечко — Тринадцатый! Одна беда от таких!»

Как все одинокие и испуганные дети, по ночам он искал утешения. Он доставал из-под подушки голубой лоскуток — обрывок одеяльца, в которое был завернут младенцем. Сохранившаяся на лоскутке вышивка походила на заглавную букву «П», но была ли то и в самом деле буква, он не знал, поскольку некогда блиставшие золотом нити со временем вытерлись и потускнели. В лоскуток был завернут крошечный золотой ключик. Он не знал, что открывает этот ключик и открывал ли когда-либо хоть что-нибудь, но хранил его, потому что ключик и клочок одеяльца были единственным, что осталось у него от дома, где он появился на свет.

Одноухий, безымянный, низкорослый — в нем едва ли было больше метра, — Тринадцатый ничего не помнил о своем прошлом. Всякая живая тварь знает, где появилась на свет, но он не знал, и никто вокруг не знал. Чья рука подтыкала ему на ночь одеяло, любил ли его кто-нибудь? Память его хранила лишь один образ из прошлого: звуки напевной колыбельной, которая плыла под усыпанным звездами небом, омывая его трепещущее сердце.

Когда потом Тринадцатого спрашивали о детстве, он вспоминал лишь страшный дом, в котором ему довелось расти.

ДОМ

ПРИЮТ, в котором Тринадцатого оставили вскоре после рождения (кто — он не знал), носил название «Воспитательный дом мисс Карбункул для никчемных и ничтожных», однако горемычные его постояльцы именовали это заведение попросту «Дом». Дом расположился вдали от городов и деревень. Выстроен он был в виде огромного креста и насчитывал не одну сотню лет, в течение которых успел побывать монастырем, затем тюрьмой, работным домом для бедняков и, наконец, приютом для никому не нужных созданий.

С обложки брошюры, в которой рассказывалось о Доме, улыбалась читателю девочка с кроличьей головой; платье в горошек, бант и букет ромашек в руке довершали картину.

Подпись под картинкой гласила: «У вас на руках внезапно очутилось осиротевшее или ненужное существо? Не тревожьтесь! Мы разрешим ваши проблемы!»

Не скупясь на славословия, брошюра описывала «уютный и гостеприимный дом в пасторальной долине, среди полей лютиков, колокольчиков и вереска». Однако, по правде говоря, войдя в массивные ворота Дома, сироты никогда больше не видели цветов и не ступали по траве. Единственной растительностью, доступной их взгляду, был мох, которым поросли каменные стены, окружавшие Дом. Нет, Дом мисс Карбункул не был ни уютным, ни гостеприимным.

Метрах в тридцати от входа в Дом смыкались в островерхую дугу высокие ворота. Сквозь них легко могла проехать самая роскошная карета. Железные прутья ворот оканчивались торчащими наверх наконечниками, напоминавшими древние копья, и такими острыми, что ни одна птица не осмеливалась на них сесть. С самой верхотуры свисала ржавая металлическая вывеска с выцветшими черными буквами, из которых складывалось название этого проклятого места. Со временем буквы повыщвели, и теперь надпись на вывеске гласила:

ВОС ТАТ ЛЬНЫ ДОМ М УНКУЛ Д Я Н МНЫХ И НИЧТ ЫХ

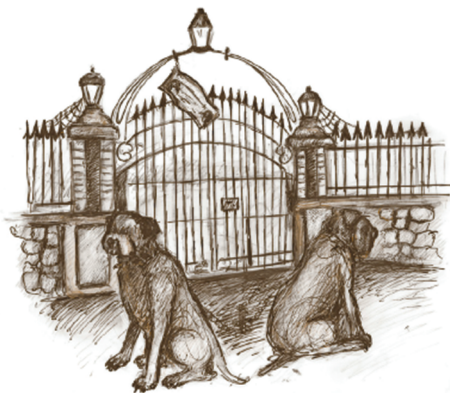
По обе стороны от надписи красовалось изображение головы коршуна. Под чьей-то рукой, а может быть, по воле

сил природы одно из креплений вывески лопнуло, и она болталась на одном гвозде, с громким лязгом ударяясь о ворота всякий раз, когда дул ветер либо когда ворота открывались, пропуская входящих и выходящих.

Здесь надо заметить, что входящие значительно превосходили числом выходящих, но — тсс! — не будем об этом.

Сразу за воротами сидели на цепи два мастифа размером с теленка; они взирали вокруг мутными глазами, непрерывно лаяли и были так слюнявы, что у лап их вечно собиралась целая лужица. По ночам в призрачном свете газового фонаря сторожевые псы казались слюнявым Цербером, трехглавым стражем ада — не хватало лишь третьей головы. Единственным, кому повиновались эти собаки, была директриса Дома, сама мисс Карбункул, которая правила своими владениями железной рукой и не знала жалости.

Войти в приют можно было через дубовую дверь в каменной стене. Дверь открывалась большим медным ключом, а ключ этот мисс Карбункул всегда носила с собой. На двери

тоже был вырезан коршун, но уже с мышонком в когтях — грозное напоминание всякому, кто посмеет забыть свое место. Дверь была единственным выходом из Дома во внешний мир. В стене, которая окружала трехэтажное здание и двор вокруг него, некогда имелись и другие двери — старинные, в сводчатых проемах, с прекрасными резными и живописными узорами, — однако, купив этот Дом, мисс Карбункул немедленно велела заложить их. Лишь призрачные пятна на массивной стене выдавали их теперь — словно палимпсесты, хранившие древнюю тайну путей к свободе.

Сложенная много веков назад из грубо отесанного камня стена в высоту имела три этажа, а в толщину добрых два метра. Обитатели Дома называли ее просто «Стена». За вычетом верхушки березы Стена скрывала от сироток абсолютно все — и цветущую долину, и окружавшие ее холмы, которые накатывались друг на друга как волны, и поля за холмами, и синие горы на горизонте, а за горами — блистающие шпильки Великого Белого Города Светлограда.

В этом-то Доме за Стеной и рос робкий одноухий сирота. Не зная любви и тепла, он, как и многие его товарищи по несчастью, был молчалив, ходил не поднимая головы и послушно исполнял все, что приказывали. Он не знал ни себя, ни мира за воротами в исполинской Стене и лишь иногда ощущал неутолимую жажду, что жила в самом потаенном уголке его сердца. Но чего он жаждет — он пока не понимал.

Тринадцатый

КАЖДЫЙ ДЕНЬ в Доме мисс Карбункул для никчемных и ничтожных начинался одинаково. В пять часов утра обитателей Дома будил оглушительный звон колокола, вслед за которым просыпался репродуктор и кричал визгливым голосом мисс Карбункул:

— Подъем, полукровки! Работа ждать не будет!

Потом они умывались в длинной общей раковине, в которой после стирки накануне стояла мутная серая вода. Они снимали ветхие серые пижамы, натягивали ветхую серую форму (которая едва ли чем-то отличалась от вышеупомянутых пижам) и выскакивали наружу на переключку, причем все это проделывалось ими в величайшей спешке.

Однажды, хмурым декабрьским утром, на излете одиннадцатого года странной и одинокой жизни нашего героя, обитатели Дома, и Тринадцатый вместе с ними, собрались в Ястребином дворе на заре, как обычно, в ожидании переклички. Сироты строились рядами по десять, и Стена высилась над ними, обрезая двор со всех четырех сторон, словно крепость.

Был понедельник. Меньше недели оставалось до Рождества и вместе с ним — до дня рождения Тринадцатого, ибо оба этих события приходились на один день. Впрочем, Тринадцатый об этом и не подозревал (что неудивительно), ведь любые празднества в Доме были строго-настрого запрещены.

Сырой туман плыл по двору, проникая под ветхие курточки и пробирая до костей. Никчемные и ничтожные обитатели Дома — сироты, найденыши, беспризорники, угодившие сюда в наказание за мелкие проступки, — вытянулись и застыли. Они были отбросами этого мира — полукровки, сочетавшие в себе звериное и человеческое или черты разных животных, что во всеобщем представлении ставило их на низшую ступень общественной лестницы. Были среди них тощие и толстые, мохнатые и обросшие перьями, многих даже можно было бы назвать людьми, если бы не крысиный хвост или заячьи уши, пороссячий пяточок или крылья да перепончатые лапы. Почти все — но не все — несли в себе равную смесь человеческих черт и черт животных. Одни явно

относились к млекопитающим, другие — к рептилиям или птицам, однако все они говорили и вели себя совершенно по-человечески.

Общего у них были не только кругляши с цифрами на веревочке: все они испытали один и тот же леденящий ужас, когда вошла мисс Карбункул, в черном плаще с капюшоном, с неизменной тростью, украшенной набалдашником в виде головы коршуна, с привычно сжатыми в нитку губами, придававшими ее лицу брюзгливое выражение.

В то утро мисс Карбункул, как всегда, наклонилась вперед, опираясь на трость, и, поджав губы, хищным взглядом обвела выстроившихся перед ней заморышей. Женщина внушительного роста, она казалась еще выше благодаря невероятных размеров огненно-рыжему парикку (прихоть, которую она прошала себе скрепя сердце). Рядом с нею стоял очкастый господин Чихотник, ее помощник, сутулый, кислолицый, долговязый и длиннорукий, и жирные черные волосы липли ему ко лбу и неопрятными сосульками обрамляли длинное бескровное лицо, на котором навеки застыла брезгливая гримаса. Пронзительным отрывистым голосом директриса начала читать список:

- Гершель!
- Здесь, мэ.м.
- Сесил!
- Здесь, мэ.м.

— Гаффер!
— Здесь, мэм.
— Димбл!
— Здесь.
— ДИМБЛ!
— З-здесь...
— «Здесь, МЭМ!»
— Здесь, мэм!
— Гловер!
— Здесь, мэм.
— Джуп!
— Здесь, мэм.

И так далее. Моррис и Стэнли, Несбит и Снук, Твинклс и Найджел, Руфус, Тветер, Мо и малыш Тизер (он никак не желал расти, да так и остался размером с ежа) — заморыши один за другим послушно откликались, слышав свое имя. Их было много, и каждую неделю появлялись все новые. Они дрожали, но не сводили глаз с мисс Карбункул и ее лица, мертвенно-бледного в сером утреннем свете.

В юности мисс Карбункул была красавицей, однако со временем преисполнилась равнодушия к миру, и оттого сердце ее, прежде исполненное чувств, высохло и зачерствело. По лицу пролегли морщины, и от одного взгляда на нее начинало казаться, что она либо сердится, либо ищет к чему придраться. Если бы не два мазка румян на щеках,

мисс Карбункул больше всего на свете походила бы на зло-го духа.

Директриса сделала паузу и заглянула в список. Она никогда не запоминала имен своих подопечных: пусть внешностью обитатели Дома были разительно не похожи друг на друга, для мисс Карбункул все они были одинаковы — гадкие, дикие, невоспитанные существа. Она продолжила переключку, покуда ассистент ее рассеянно поглаживал поросший жидким пухом пяточок кожи у себя под левой ноздрей. Господин Чихотник мечтал о шикарных пышных усах, однако, достигнув тридцати лет, так и не сумел вырастить у себя на лице что-либо внушительнее этого клочка пуха¹. Ростом почти не уступая мисс Карбункул, Чихотник непрерывно чихал и сморкался, утирая свой орлиный нос тонкими белыми платочками, на которых любящая мать вышила его имя. За спиной сироты называли его Чихом. В этот миг Чих выбирал из двух привычных вариантов — то ли высморкаться, то ли пригладить несуществующие усы. В свободной руке он держал длинное деревянное весло, которое без промедления пускал в ход, едва кто-нибудь из сирот осмеливался нарушить строй.

Но гораздо больше, чем весла, Тринадцатый боялся трости мисс Карбункул. Все знали, что директриса без лишних раздумий пустит ее в ход, стоит только дать повод. На на-

¹ «Мортимерчик у меня гладенький, как яичко, вот какой гладенький, мамочке на радость!» — рассказывала его матушка каждому встречному.

балдашнике трости была вырезана голова коршуна с хищно изогнутым клювом, того самого, что украшал собой дубовую дверь на входе и неприветливую вывеску над воротами. Сходство этого коршуна с директрисой, обладательницей пронизывающего взгляда и крючковатого носа, не укрылось от Тринадцатого. Иногда, в тусклом свете сонного утра, он готов был поклясться, что видел, как моргнули янтарные глаза деревянной птицы.

Мисс Карбункул открыла рот, чтобы заговорить, и в этот самый миг Чихотник, у которого была аллергия практически на все — на мех, перья, плесень, пыль и буквально любые кушанья, — оглушительно чихнул. Полукровкам пришлось изо всех сил сдерживать смех, поскольку смех, как и большинство других вещей, был строго-настрого запрещен в этих стенах.

Директриса гневно ударила Чихотника по ботинку концом трости:

— Бога ради, держите себя в руках, сударь!

Чихотник сморщился и тихо, чтобы не слышали полукровки, ответил:

— Прошу прощения, мэ, но... но... это все пыльца, клянусь вам! Повсюду она! И...

— Ах, да замолчите вы, — бросила мисс Карбункул и снова принялась выкрикивать имена: — Сеймур, Пити, Квиг и Покет! Баттеркап, Тилли, Милли и Шму!

Было ясно, что сегодня вызывают не по алфавиту.

В такие дни мисс Карбункул читала список вразбивку, и полукровкам приходилось быть начеку. Иногда она читала одно и то же имя дважды. Однако Тринадцатого это никак не касалось, потому что даже в такие дни его вызывали последним. Цифра вместо имени ставила его ниже тех, чье имя начиналось на Э, на Ю и даже на Я.

Мисс Карбункул вперила взгляд в стоящих перед нею оборвышей и наконец произнесла:

— Номер Тринадцать!

Но отозваться он не успел, потому что кто-то ударил его под коленки, и он упал, увлекая за собой стоявшую рядом крольчишку.

— П-прости, — заикаясь выговорил Тринадцатый и помог крольчишке встать.

За спиной славенно зафыркали Муг и Орлик. Муг, полукровка бульдожьей наружности, и Орлик по прозвищу Вонючка, наполовину опоссум, от которого по какой-то загадочной причине всегда исходил запах стоячей болотной воды, были главными мучителями одноухого сироты. Сколько он себя помнил, они всегда обижали и задирали его. Однажды, когда кто-то поджег директорский стол и мисс Карбункул с господином Чихотником убежали ловить наглеца, Муг схватил Тринадцатого за ухо и заорал:

— Эй, есть кто дома? Ау, лопух!

Ухо болело еще долго, а Муг и его друзья с тех самых пор стали называть Тринадцатого Лопухом.

Он привык к этому прозвищу, как привыкал ко всему остальному. «Имя лучше, чем цифра, — сказал он себе. — Даже такое противное — все равно лучше».

— Номер Тринадцать! — во второй раз выкрикнула мисс Карбункул в холодный туман.

Тринадцатый попытался выдавить из себя ответ, но слова, как всегда, не шли. Ему казалось, будто в горло ему забили камень.

Вдруг его крепко схватили за ухо и дернули. Тринадцатый поспешно повернулся к обидчику. Рядом с Мугом и Орликом стоял новый жилец Дома, и жилец этот имел весьма примечательную наружность: то был высокий крыс в жесткой серой шубе, с вытянутой мордой и двумя острыми резцами, не помещавшимися во рту. У новичка были крупные лапы с желтыми когтями и длинный гибкий хвост. Он так сутулился, что казалось, будто шеи у него нет вовсе и голова лежит прямо на плечах. Глазки у него были маленькие, глубоко посаженные и черные как ночь.

— Рад познакомиться, — шепнул крыс и тут же рыгнул прямо в лицо Тринадцатому.

От этого запаха — смеси нестираных носков, тухлого мяса, гнили из сточных канав — бедняге чуть не стало дурно.

«Замечательно». Значит, теперь мучителей будет трое. Придется держать ухо востро.

На третий раз мисс Карбункул уже рычала как зверь. Тринадцатый выдавил из себя едва слышное «з-здесь».

— Что молчишь? — ласково шепнул ему на ухо крыс. — Тебе крысы язык откусили?

Тринадцатый задрожал всем телом, от единственного уха до мохнатых пальцев на ногах.

— Ты что же, Тринадцатый, хочешь попробовать моей трости? Или ты предпочитаешь весло господина Чихотника? — рыкнула мисс Карбункул.

Он попытался ответить снова, чуть громче, однако директриса его не слышала.

— Тринадцатый! — загрохотала она. — Долго мне еще ждать? Ну, где ты там?

Тут наконец Тринадцатый, носитель несчастливого числа вместо имени, сумел выдавить сквозь ком в горле:

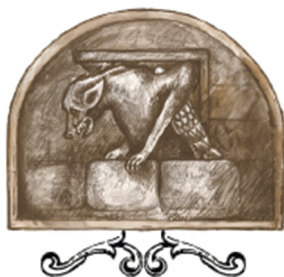
— Здесь, м-м-мэм.

Сироты испустили дружный вздох облегчения. Пора было отправляться завтракать. Возглавляя колонну господин Чихотник. К счастью, Муг, Орлик и их новый приятель оказались далеко от Тринадцатого.

И Тринадцатый, привычно глядя под ноги, поплелся со всеми, мечтая о теплой мягкой шапке, чтобы спрятать под ней свое единственное ухо.

Секрет

ГОСПОДИН ЧИХОТНИК вел своих подопечных по узкому длинному коридору Ястребиной четверти; Тринадцатый с трудом поспевал за остальными.

— Раз-два, раз-два! Не отставать, отребье вы эдакое! — отрывисто командовал Чихотник, помахивая занесенным над головой веслом.

Они ходили этим маршрутом каждое утро и знали, что их ожидает облезлый обеденный зал, расположившийся в дальней части здания. Потом мисс Карбункул будет два часа читать назидательные лекции на душеспасительные темы, например «О важности послушания старшим в эпоху прогресса и развития промышленности», а за лекциями последуют

долгие часы тяжелого труда, когда полукровки будут мыть полы, руками (а также лапами и когтями) стирать в ледяной воде свою одежду, чинить сломанные парты и стулья, латать одеяла и штопать носки, а потом, как это почти всегда бывало, займутся отупляющей работой на фабрике.

Распорядок дня бывал иным только в воскресенье. В воскресные дни сирот поднимали на переключку все так же рано, и работать они должны были как обычно, однако, к искренней их радости, в воскресенье не было уроков. Увы, декабрьский день, о котором идет речь, выпал не на воскресенье. То был самый обычный понедельник, еще один день в бесконечной череде таких же дней.

В животе у Тринадцатого громко урчало. Приютское здание было необычайно велико, и путь в обеденный зал занимал целую вечность. От центра здания крестом расходились четыре длинных коридора, названные в честь хищных птиц: Коршуновы, Ястребиный, Соколиный и Совиный. Ястребиная четверть начиналась от центра и шла до задней части приюта; здесь сироты спали и здесь же каждое утро собирались на переключку во дворе. Класс и обеденный зал располагались в Коршуновой четверти, коридор которой шел от центра к главному входу, туда, где рычали, лаяли и истекали слюной огромные псы мисс Карбункул, сторожившие ворота.

Направо и налево от центра располагались Совиная и Соколиная четверти, вмещавшие в себя несколько десятков рабочих помещений, в том числе фабрику с паровыми машинами, где сироты под руководством гневливого мастера Костотряса собирали причудливые маленькие механизмы. С виду эти механизмы походили на мелких черных жуков. Каково было их назначение — никто не знал.

Не знали сироты и о том, что находится на третьем этаже, ибо на третий этаж подниматься запрещалось всем, за исключением самой мисс Карбункул и ее подчиненных. Неудивительно, что воображение рисовало сиротам самые странные вещи, от средневековых камер пыток и котлов с кипящим маслом, в котором варят непослушных полукровок, до страшных тюремных камер, где нарушителей насильно кормят ядовитыми волосатыми пауками. Что же до подвала, то тут все сходились на одном: в подвале живут огромные черные крысы, которые больше всего любят лакомиться пальцами на ногах и сожрут любого, кто осмелится там задержаться.

— Равнение вперед! Смотрим перед собой! — кричал господин Чихотник. Нога у него все еще болела от удара тростью, и радости он по этому поводу отнюдь не испытывал.

Они миновали Большой зал — сердце Дома, где сходились вместе четыре коридора и где также располагался кабинет мисс Карбункул. Проходя мимо кабинета начальницы,

мучимый завистью Чихотник замедлил шаг. Кабинет и жилые комнаты директрисы были весьма и весьма просторны, отведенные же Чихотнику помещения — наоборот. Стены кабинета мисс Карбункул не пропускали ни звука, а изготовлены были из особого стекла, сквозь которое хозяйка кабинета видела все происходящее снаружи, однако увидеть ее саму не мог никто. Стекло уходило вверх, пронизывая все три этажа Дома. В личные покои директрисы, на третий этаж, вела винтовая лестница. Из комнат имелся проход на дозорную башенку, с которой вооруженная подзорной трубой и очками со встроенным в них биноклем мисс Карбункул наблюдала за окрестностями. Роскошными ее комнаты не были, но выглядели они при этом весьма современно и опрятно.

Что до господина Чихотника, то он спал в скудно обставленной комнатухе, в которой едва помещались кровать да комод. Обиталище его располагалось в Ястребиной четверти, в непосредственной близости от лазарета и сразу напротив спальни; в обязанность ему вменялся присмотр за полукровками по ночам, вследствие чего господин Чихотник редко имел возможность выспаться. «Кто я такой? Нянька в цирке уродов», — сказал он себе, глядя на проплывающий мимо великолепный кабинет мисс Карбункул в Большом зале.

Вход в кабинет мисс Карбункул стерегли исполинские часы с кукушкой. Номер Тринадцатый уткнулся взглядом в пол: ча-

совая стрелка как раз завершила оборот, и он не хотел видеть того, что должно было произойти. Из-за дверцы над циферблатом выскочила ярко-желтая механическая птичка. Птичка зачирикала и начала выкидывать смешные коленца. Ровно через десять секунд из-за дверцы высунулся огромный клюв, хищно шелкнул, и птичке пришел конец.

Наконец сироты добрались до обеденного зала.

— Разбираем миски, садимся по местам, едим молча! — завопил господин Чихотник и дернул за свисающую откуда-то сверху толстую засаленную веревку. Громкий и резкий металлический лязг возвестил о начале трапезы.

Сирот кормили дважды в день, утром и вечером, и всегда одинаково: утром — каша, вечером — жидкий гороховый суп и кусок черствого хлеба. Иногда, правда, к ужину добавляли

кусочек сырой репы, маленькую морковку или вареную картофелину, но это считалось роскошью и случалось нечасто. К завтраку Тринадцатый уже буквально умирал от голода.

Он сел за длинный деревянный стол, где ели самые маленькие из полукровок — малыш Тизер (славный парнишка, хоть и в колючках с головы до пят), Твинклс (полусвинка-полумопс), Найджел (почти совсем такса), Несбит и Снук (двойняшки с кроличьими головами), Моррис и Мо (ленивцы-полукровки) и Руфус (почти совсем вомбат). Несбит и Снук приветливо поглядели на Тринадцатого и беззвучно сказали «привет». Тринадцатый выдал из себя застенчивую улыбку и уткнулся в миску с холодной серой овсянкой. Моррис и Мо, братья-ленивцы, тоже поздоровались, но так долго открывали рот, что Тринадцатый их приветствия не заметил.

Уходившие ввысь стены обеденного зала смыкались в вышине, образуя сводчатый потолок. В прошлой жизни помещение украшали цветные фрески, под которыми пел, готовясь к службе, монастырский хор. Однако много лет назад стены и потолок перекрасили в скучный темно-серый цвет; впрочем, в отличие от иных помещений Дома, единственным украшением которых служили большие белые часы на каждой стене, обеденный зал был декорирован в собственном, весьма своеобразном стиле.

Стены зала от пола до потолка были покрыты предугадающими табличками. Мисс Карбункул поместила на

них все самые любимые свои поговорки: «Знай свое место! Я — последняя буква алфавита!», и «Время никого не ждет, а тебя — меньше всех!», и «Благословенны услужливые и покорные», и «Музыка есть корень всякого зла».

Тринадцатый покосился на табличку, висевшую над столом: «Зачем тянуться к звездам, если все равно не достанешь?». «Хороший вопрос», — сказал он себе и вздохнул.

Двое его обидчиков и их новый приятель уселись за стол неподалеку. Кто он был, этот полукровка с черными бусинками глаз и зловонным дыханием? Тринадцатый чувствовал, что за спиной у него хулиганы переглядываются и тычут в него пальцем, и ухо у него нервно подрагивало. «Притворюсь невидимкой», — подумал он и молча принял за водянистую кашу.

Впрочем, говорить было запрещено в любом случае, ибо в Золотых правилах мисс Карбункул тишина почиталась выше всего.

Не дозволен был никакой шум, в том числе разговоры. В обеденном зале речь допускалась только по острой необходимости. Это было трудно, особенно тем, кто никак не мог удержаться от тихого пофыркивания, с каким запускал в кашу язык, коготь или лапу. Тех же, кто осмеливался говорить или шалить за едой либо оказался так глуп, что попросил добавки у вечно недовольного повара по имени господин Булкоед (обширная розовая лысина которого удивительно

напоминала лоснящуюся на срезе розовую ветчину), награждали парой увесистых шлепков по заднему месту.

Петь, мычать себе под нос и музицировать любым способом также было строго запрещено. Мисс Карбункул считала склонность к музыке тяжелейшим из грехов, а виновных в этом прегрешении ссылала в карцер (он же «крысиный подвал»), где несчастный в течение месяца пребывал в полном одиночестве, а затем еще много недель должен был драить уборные.

Тринадцатый подметил, что двое полукровок потихоньку обменялись под столом записками. Даже в этом проклятом месте сироты находили способы перебраться друг с другом парой слов. Торопливый шепоток, мимолетная гримаса, секретный язык, состоящий из постукиваний рукой, ногой или лапой... Они писали друг другу записки, обменивались историями и картинками и порой не могли удержаться от приглушенного восклицания или смешка, ибо потребность в дружеском общении была многократно сильнее страха перед наказанием, сколь угодно суровым.

Одноухий сирота тоже мечтал о друзьях. Однако всякий раз, когда он, набравшись смелости, пытался с кем-нибудь заговорить, голос его был так тих и заикался он так мучительно, что понять Тринадцатого было совершенно невозможно. Некоторые полукровки, а также, разумеется, директриса и господин Чихотник считали его глухим. Жалкий одноухий заика, да что он там может слышать!

Но Тринадцатый не только слышал. Он слушал.

Он прислушивался ко всему, что происходило вокруг. Порой в тишине, сосредоточившись, уйдя в самый потаенный уголок души, он слышал удивительные вещи.

Он слышал, как тихо и беззвучно снуют под полом и в стенах деловитые жучки и паучки, и гадал, слышат ли они его тоже. Он слышал, как взрывается перед сном в стойле старый осел и как взмахивают хвостами упряжные лошади, отгоняя летних мух. Он никогда не видел лошадей, но знал, что они там есть. Зимой же он слышал шуршание опускающихся на плиты двора снежинок. Прекраснее всего звучала метель: «пф-ф, пф-ф, пф-ф, у-у-у, пф-ф, пф-ф, пф-ф, у-у-у», и, когда он слушал этот напев, ему начинало казаться, что снег поет собственную торжественную песнь.

Если весной легкокрылая птаха запевала на дереве за Стеной свою песню, Тринадцатый, даже будучи в Доме, слышал ее напев так же ясно, как звон колокола. Она перескакивала с ветки на ветку, и он слышал, как прогибаются под ней тонкие побеги и как трепещут распахнутые крылышки. А прекраснее всего звучала песнь возвращения, когда птица взмывала в небо и спешила к своему гнезду. При звуках этой песни душа его преисполнялась неизъяснимой жажды, а сердце грозило лопнуть от переполнявших его чувств.

Этот талант — дар ли, проклятие ли, он не знал, — жил в нем столько, сколько он себя помнил. Но откуда он взял-

ся? Наделены ли им другие? Он сомневался в этом и потому, опасаясь насмешек, никому и никогда о нем не рассказывал.

Как бы строго ни требовала тишины мисс Карбункул, столовая постепенно наполнялась звуками: стуком жестяных мисок о стол, преступными шепотками, которыми обменивались приятели, криками Чихотника «Всем молчать!», которые он испускал каждые несколько минут, трубными звуками, издаваемыми им при сморкании, и неизменным тиканьем часов на всех без исключения стенах всех комнат всех этажей.

Все доев, Тринадцатый закрыл глаза, сконцентрировался и стал слушать. Нет, не растущий шум вокруг, и не сердцебиение тысяч часов привлекало его, а нечто иное, исходившее из самых недр здания. То были юркие мыши, без усталости сновывавшие между стен.

Тринадцатый не первый раз слушал, как они скребут острыми коготками пол и попискивают на бегу. Но на сей раз произошло нечто неожиданное. В этот день он услышал удивительную вещь, какой не слышал еще никогда.

Впервые в жизни он услышал, как мыши говорили между собой.

«Быть может, я схожу с ума? Нет, — решил он. — Это и впрямь мыши. И я понимаю каждое их слово».

Как так получилось? Прежде Тринадцатый полагал, что даром речи наделены лишь люди и полукровки. Но мыши? Те самые мыши, которых люди звали никчемнейшими из зем-

ных созданий, мыши, по своему положению стоявшие еще ниже полукровок? Быть может, умение говорить означает, что они тоже полукровки? А если нет, то почему он их слышит, а остальные — нет? За стенами шла оживленная беседа, но никто во всем зале, казалось, не обращал на нее внимания.

Он придвинулся ближе к стене и наострил единственное ухо.

Мыши вели разговор на излюбленную тему: они обсуждали еду. Слушать их было невероятно увлекательно. Всего за несколько минут он понял, что мыши: (1) прекрасно разбираются в сортах французского сыра и особенно ценят некий сорт под названием бри; (2) очень вежливы (порой до чрезмерности) и (3) весьма увлеченно обсуждают нечто, именуемое поэзией. О поэзии, что бы это ни было, мыши говорили с большим пылом.

Но вот за стеной зазвучала другая беседа. Она становилась громче и громче и наконец заглушила мышинный писк. Мыши разбежались. Он догадался, что новый разговор вели крысы, большие черные крысы из тех, которые шныряли по сточным трубам в темном сыром подвале, куда мисс Карбункул отправляла непослушных полукровок. Тринадцатый стал слушать. Крысы говорили о страшных вещах, но при всем при том речь их звучала необычайно учтиво.

ПЕРВАЯ КРЫСА. Ах да, показывал ли я вам тот вкуснейший труп, который отыскал на прошлой неделе?

ВТОРАЯ КРЫСА. О да, воистину вам сопутствовала удача! Браво, друг мой, браво!

ПЕРВАЯ КРЫСА. Вы очень любезны. Однако не все были бы согласны с вашей точкой зрения — вы понимаете, о ком я говорю.

ВТОРАЯ КРЫСА. Безусловно! Не кажется ли вам, что этот тип болезненно завистлив? Говорят ведь, что зависть — признак глупости.

ПЕРВАЯ КРЫСА. Как это верно!

ВТОРАЯ КРЫСА. Так как же вы поступили с ним, друг мой? Лично я убежден, что этот крыс заслужил хороший урок.

ПЕРВАЯ КРЫСА. Совершенно с вами согласен! Я его съел — он просто не оставил мне иного выхода. Полагаю, он заслужил такую судьбу.

ВТОРАЯ КРЫСА. Прекрасное решение! Браво, приятель, браво!

Тринадцатый содрогнулся. «Наверное, они родня этого жуткого дружка Му...» — успел подумать он, как вдруг что-то мокрое, холодное и липкое плюхнулось ему на голову и потекло по шее. Обернувшись, он увидел Муга и Орлика, которые ухмылялись от уха до уха. Между ними сидел их новый приятель и самодовольно улыбался. Он опустил ложку, из которой отправилась в полет холодная каша, и широко зевнул, показав бритвенно-острые зубы.

Тринадцатый стер вязкую гадость с рукава, но рукав все равно остался грязным и мокрым. Тринадцатый вздохнул. Другой рубашки не было и времени постирать эту — тоже.

«Не думай о них, — сказал он себе. — Думай о чем-нибудь другом».

Он снова положил голову на стол и оставшиеся несколько минут перебирал в памяти свои любимые песни: летящего снега, птиц, шороха дождя по крыше. Мир, серый и безжалостный, уплывал далеко-далеко, и чувство бессилия и страха таяло вместе с ним. Откуда-то зазвучала старая песня давних лет, бережно хранимая в сердце. И он в который раз пожалел, что не знает, отчего все это — песня, жизнь без имени и тайная способность слышать то, чего не слышит никто другой.

Резкий звон колокола вырвал его из мира мечтаний. Он встал в строй и вместе с другими полукровками пошел вслед за господином Чихотником вон из обеденного зала, в класс, где утром по понедельникам вела урок мисс Карбункул.

Больше ему некогда было предаваться мечтаниям, вспоминать птичьи песни и музыку снега. Некогда думать о милых мышках, любительницах французского сыра и поэзии. День ведь был самый обычный — просто очередной понедельник, начало новой недели в Доме. И как и все дни, что видел в своей жизни Тринадцатый, этот день нес с собой бесконечную работу — и больше ничего.

Что случилось в Сырное воскресенье

ВРЕМЯ В ДОМЕ тянулось медленно и размеренно. Но там, за непреодолимой стеной, мир на всех парах несся в удивительное и великолепное будущее. Гремели войны, восходили на престолы короли и королевы, рождались изобретения, преломлявшие ход истории. Мужчины и женщины строили машины, которые умели показывать движущиеся картинки на стене. Люди придумали летающие велосипеды на паровой тяге, хронометры, барометры, аэрометры и множество прочих невероятных штук с названиями, которые обязательно заканчивались на «метр». А удивительнее всего была загадоч-

ная машина, которая умела запоминать прекраснейшие мелодии и песни со всего мира и помещать их в ваши сны.

Познания Тринадцатого о мире за Стеной ограничивались обрывками слухов, которые приносили с собой новенькие. Что до его собственного мира, то он жил по раз и навсегда заведенному распорядку: переключка, каша, уроки, бытовые хлопоты, фабрика, гороховый суп, сон.

Но по воскресеньям — о, этот чудесный день! — сироты были избавлены от двух часов тупой скуки за партой, и вместо этого им разрешалось выйти во двор Ястребиной четверти. Дворы имелись и в других четвертях, однако драгоценный час свободы полукровки должны были проводить именно здесь. (Второй освободившийся час полагалось отрабатывать на фабрике, но это и так было ясно.)

По воскресеньям сиротам даже дозволялось бегать и играть (в пределах разумного), и, хотя во дворе не было ничего, хотя бы отдаленно напоминавшего качели, песочницу или мяч, маленькие оборвыши изобретали множество собственных игр, нимало не смущаясь тем фактом, что в стенах Воспитательного дома мисс Карбункул живое воображение считалось пороком, подлежащим всяческому искоренению.

Наступило Рождество — впрочем, догадаться об этом было невозможно, так как в Доме не ставили украшенных шарам елок, не клали под них подарков в ярких обертках и не

готовили сладостей для угощения. На этот день выпадал и день рождения Тринадцатого. Сам Тринадцатый ни о том, ни о другом празднике даже и не подозревал. В день, когда все прочие лакомятся именинным тортом и рождественскими пирогами или открывают подарки и поют праздничные песни, он стоял в дальнем углу Ястребиного двора и, дрожа, воображал себя букашкой. Он видел себя жучком, подобным тем, что жили под полом в спальне, крошечным существом, которое прячется в темноте, бесшумно переползая с места на место. «Это я, — говорил себе он. — Я просто букашка. Я такой маленький, что никому до меня нет дела».

Потом он вспомнил милых мышек, которых подслушал в столовой, и решил, что лучше быть мышью, чтобы делить с товарками корочку сыра и за чашкой чая вести разговоры о поэзии (что бы это ни было).

За Стеной пошел легкий снег, а в Ястребином дворе полил дождь. В границах, очерченных Стеной, почти всегда шел дождь, причем особого сорта, глухой и безнадежный, никогда не оставлявший после себя радуг или лучей торжествующего солнца из-за края тучи. Что за прихотливая магия рождала дождь и слякоть на одном клочке земли и дивную солнечную погоду совсем рядом, только руку протяни, — никто не знал. Ну а Тринадцатый, конечно же, подозревал, что во всем виноват он один. Он и его несчастливое имя.

Очень скоро земля во дворе превратилась в грязное меси-

во, однако полукровок это отнюдь не смутило. Одни скакали и брызгались в лужах, другие играли в пятнашки, а третьи воображали себя путешественниками, пиратами, эльфами, гоблинами, аэронавтами и мореплавателями.

Иными словами, они наслаждались редкой возможностью поиграть как обычные дети.

В том уголке мира, что облюбовал для себя Тринадцатый, жизнь тоже была вовсе не плоха. Высоко над ним нависала массивная каменная горгулья, в тени которой он был почти незаметен. Вода с крыши стекала по глазам и лицу горгульи, а оттуда лилась во двор, но — в сторону от Тринадцатого, оставляя его сухим и надежно сокрытым водяной пеленой. Сбоку от водопада имелся узкий проход, сквозь который в случае нужды можно было выбраться, не намочнув.

В каждом из четырех дворов стояло по четыре старинных горгульи — наследие монастырского прошлого Дома. Несмотря на нечто птичье во внешности, горгульи эти не имели ничего общего с хищными птицами и еще менее того — с вездесущим коршуном мисс Карбункул. Это были печальные уродливые создания с причудливыми мордами, большими ушами, грустными глазами в набрякших веках и обвисшими крыльями. За ними никто не ухаживал, и время вкупе со стихией мало-помалу стирали их черты. Во время ливня все шестнадцать горгулий Коршунова, Ястребиного, Соколиного и Совиноного дворов изрыгали дождевую воду.

В такие моменты досужему наблюдателю могло показаться, будто то рыдает сам Дом.

Тринадцатый достал из кармана кусочек сыра и стал потихоньку его грызть, растягивая удовольствие. Сыр он припрятал в прошлое воскресенье, которое, ко всеобщей радости, выдалось Сырным. Сырными назывались воскресенья, когда приезжали инспекторы из Департамента защиты ничемных и ничтожных существ (ДЗНиНС). Они наезжали с проверкой, дабы убедиться, что дела в приюте идут хорошо. Перед их отъездом обитателям приюта выдавали по ломтику сыра — как правило, зеленого от плесени и такого твердого, что не один зуб был утрачен в попытках откусить кусочек. И все-таки это был сыр, иногда даже не особенно твердый и не слишком плесневелый, а почти совсем свежий.

Если сыр оказывался не так уж стар, иные постояльцы Дома открывали меновую торговлю: на кусочек сыра можно было выменять пару морковок, клочок бумаги с карандашом, обломок игрушки или горсть соломы для матраса. Предлагались на обмен также сказки и новости из внешнего мира.

Песнями торговать не решался никто. Это было слишком опасно.

Мисс Карбункул отбыла в Светлоград на встречу с неким загадочным высокопоставленным лицом, и главным над Домом остался Чих. Тщетны оказались его надежды провести Рож-

дество дома, с матушкой, за накрытым столом, с жареным гусем и пудингом, и господин Чихотник был глубоко огорчен этим фактом.

Несмотря на суровое, порой даже грозное поведение в присутствии полукровок, в глубине души господин Чихотник ужасно их боялся и, разумеется, на дух не переносил. Присматривать за «этими отвратительными существами» ему нравилось не больше, чем обонять их запах или есть с ними. «Боже мой, как они едят! Хлюпают, чавкают — никакого представления о приличиях! Полузвери, полулюди — виданное ли дело? Паразиты, вот они кто! И кому, скажите на милость, приходится возиться с ними изо дня в день — и даже на Рождество? Мортимеру Чихотнику, вот кому!»

Чихотник торопливо оглядел двор и снова юркнул в Дом. В глубине коридора, подальше от двери с проникавшими под нее холодными сквозняками, он отыскал славное теплое местечко и приволок туда старый скрипучий стул. Дверь, ведущая на улицу, находилась в самом конце коридора, рядом с его собственной комнатой, и порой, когда мисс Карбункул отсутствовала, Чихотник украдкой наведывался к себе — взять книжку или подмазать верхнюю губу «Чудодейственной помадой профессора Миффлбаума для укрепления усов».

«В самом деле, ну что они натворят за какой-нибудь час?» — сказал себе Чихотник, старательно не замечая царившего во дворе буйного веселья. Он высморкался, сунул

вышитый платочек за обшлаг туго накрахмаленного рукава, открыл толстый том, озаглавленный «Тайная жизнь бухгалтеров», и погрузился в чтение.

Тринадцатый все представлял себя мышью. Ах, как ему хотелось найти товарищей для игры! Но он так и не вышел из своего угла. Он ведь мышь, верно? Подобрал последние крошки сыра, он нервно пригладил единственное ухо, словно пытается прижать его к голове, чтобы не торчало, — впрочем, за стеной воды он и без того оставался невидимкой.

Но сам он видел многое. Выглянув с опаской из своего укрытия, он заметил, что Муг, Орлик и крыс перебрасываются чем-то напротив одного из старых входов, от которых остались лишь призраки дверей, и громко при этом хохочут. Игрушка их походила на небольшой коричневый мячик, размерами не превосходивший малыша Тизера, который и сам-то был не больше ежа или, скажем, небольшого кочана капусты. Интересно, откуда у них мяч, подумал Тринадцатый. Подарил какой-то добряк? А так бывает? Или, может быть, это ребенок играл за Стеной и случайно забросил мяч во двор?

«Странно, — подумал Тринадцатый. — Разве бывают пушистые мячи? Хотя, конечно, я так мало знаю о мире...» Ему вспомнились рассказы о кошках и о том, как они иногда выплевывают какие-то комья, которые оказываются волосяными шарами. Он попытался представить себе, какого размера

должен быть кот, чтобы выплюнуть шар, размерами превосходящий его голову. Потом он задумался о том, почему до сих пор ему никогда не встречались полукровки с кошачьими чертами, и пришел к выводу, что их, должно быть, просто очень мало. Он ведь и сам был единственным лисом-полукровкой в Доме мисс Карбункул.

Муг с приятелями захохотали еще громче.

Крыс кивнул Мугу. Муг подбрасывал мяч все выше. Всякий раз, отправляясь в полет, мяч издавал странный писк. «Наверное, это мяч с пищалкой, — подумал Тринадцатый. — Там, Снаружи, их наверняка много разных».

— Сюда бросай! — крикнул Орлик и в поисках одобрения оглянулся на крыса.

Мяч снова стал летать туда-сюда, и всякий раз, поймав его, полукровки бросали взгляд на крыса, который успел стать среди них признанным вожаком. Взлетая в воздух и падая в подставленные лапы, мяч неизменно издавал какой-то звук — скорее чириканье, нежели писк.

Игра продлилась еще несколько минут, после чего в центр круга вышел крыс и взмахнул лапой, словно дирижер перед оркестром. Игра немедленно прекратилась. Полукровки застыли, не сводя глаз с крыса. Крыс заговорил, изредка подкрепляя свои слова изысканным жестом, но при одном взгляде на его лапы в жесткой серой шерсти наблюдателю становилось не по себе.

— А ну-ка, кто сумеет перебросить ее через Стену, а? Есть желающие? Кто перебросит, получит приз! Большой кусок — ну-ка, угадайте чего, друзья мои? — свежего сыра!

Игроки взорвались радостными криками.

— Чур, я первый!

— Нет, я!

— Я!

— Я первый сказал!

Попытаться хотелось всем, но тут Муг, как самый сильный, грозно рыкнул:

— А ну, пошли вон, дурачье! Это я ее нашел! Она моя!

Крыс одобрительно кивнул.

Только тогда Тринадцатый вдруг понял, что маленький лохматый мяч — не мяч вовсе и не волосяной шар, оставленный огромным котом. Это было незащитное живое существо, которое свернулось, подобно испуганному ежу. Но не еж — теперь он видел это ясно. Это было что-то иное — нет, кто-то иной. И у существа этого висел на шее в точности такой же жестяной жетон, как и у Тринадцатого.

Тринадцатый высунулся из своего укрытия и стал озираться в поисках помощи. Чихотника нигде не было видно, а остальные просто не обращали внимания на происходящее. Впервые в жизни Тринадцатый пожалел, что рядом нет мисс Карбункул, — она остановила бы эту жестокую игру, хотя бы только затем, чтобы восстановить порядок.

Он нерешительно выставил из-за водяной завесы ногу, но тут же убрал ее. Да и что он мог поделать?

Орлик перебросил неизвестного зверька Мугу. Тот занес лохматый шар повыше, готовясь не то швырнуть его, не то ударить ногой, не то бог весть что еще с ним сотворить.

На глазах у охваченного ужасом Тринадцатого Муг подбросил мяч изо всех сил, но не преуспел. Мяч ударился о Стену и вновь упал в его грязные лапы. Крыс отдал короткий приказ, и мяч перекочевал к Орлику, который стоял следующим. Муг недовольно рыкнул; Орлик схватил неизвестное существо и занес над головой, приготовившись бросать.

— С-с-с, — выдавил из себя Тринадцатый, — с-стойте!

Но за шумом водопада, взрывами смеха и стуком дождя его никто не услышал. Орлик швырнул зверька вверх, но тоже не сумел перебросить его через Стену.

Тут наконец Тринадцатый, уже не скрываясь, высунулся из-за водяной стены и закричал во весь голос:

— Х-хватит! От-тпустите ее!

Он кричал впервые в жизни.

Кричать было приятно.

Крыс немедленно повернулся к нему, предупреждающе взмахнув лапой. Смех умолк. «Ой-ой-ой», — подумал Тринадцатый и быстро юркнул обратно в укрытие.

— Это кто тут выступает? — хищно ухмыльнулся крыс. — Кто смеет указывать Щипачу?

Тринадцатый дрожал, забившись в тень. В довершение всех бед ему вдруг захотелось в туалет. «Только бы не нашли, только бы не нашли, только бы не нашли», — бормотал он вполголоса.

— Говори, — потребовал крыс и равнодушно добавил: — Говори громче, не то я тебя съем.

На морде у него застыло непроницаемое выражение. Камень и тот смотрел бы дружелюбнее.

Сердце гулко билось в груди Тринадцатого. Вдруг этот полукровка и в самом деле родня крысам, разговор которых ему удалось подслушать? Тем самым крысам, которые могли съесть собственного друга! Тринадцатый содрогнулся. Но потом он подумал о бедной маленькой зверушке. Если ее перебросят через Стену, она переломает все кости. «Не бойся. Ты справишься». Он сделал глубокий вдох, шагнул вперед, не задев водяную стену, и постарался выпрямиться во весь рост. Сделал еще несколько шагов вперед и сказал:

— От-тпусти ее! Сейчас же!

— Ах, это у нас номер Тринадцатый, — протянул Щипач, подходя ближе. — Ты у нас, выходит, вовсе не немой! Как бишь тебя тут зовут — Лопух? Это твое настоящее имя? Или твои мамаша с папашей привыкли нумеровать свои отродья, прежде чем бросить подыхать у дороги?

Приятели Щипача захохотали во весь голос.

Тринадцатый молчал. Да и что он мог сказать? Что у него

и в самом деле нет имени, один только номер, да и тот самый невезучий из всех? Что он не знал своих родителей и не мог с уверенностью утверждать, что они не бросили его, дав номер вместо имени?

Щипач вздохнул:

— Скука, скука. Ладно, давайте заканчивать.

Он шелкнул пальцами и кивнул Орлику, который все еще держал в руках дрожащее, свернувшееся в шар существо.

— Если хочешь, чтобы дело было сделано, сделай это сам. Ну что, птичка, летаем? — Орлик перебросил зверушку Щипачу. Крыс легко поймал «мяч».

— П-прекратите! — закричал Тринадцатый. — Иначе я... я...

— Иначе ты что? — Черные глазки Щипача блеснули. — Давай, говори. Мы ведь так хотим узнать, что ты нам скажешь. Ну?

— П-просто... просто отпустите ее. Ей больно.

— Да у нас тут герой завелся! — с этими словами крыс повернулся к приятелям. — Ну что, ребята, поможем герою?

Полукровки медленно захлопали в ладоши, все разом, в едином ритме, притопывая и стуча хвостами по размокшей земле. Хлопая и топая, они подходили все ближе и ближе. Тринадцатый попятился.

— П-пожалуйста, отпустите ее, — попросил он. — Ну п-пожалуйста!

— Какой вежливый щенок! — холодно улыбнулся Щипач. — Это тебя мамочка научила? — Тут он укоризненно поцокал языком и закатил глаза. — Ах да, я забыл — она же бросила тебя на улице. Что ж, как это ни печально, но у меня другие планы на этот... — он брезгливо осмотрел все еще лежащее у него в руках существо, — этот мерзкий комок перьев. — С этими словами он отвел назад длинную ногу и приготовился ударить по мячу.

— Бей! Бей! Бей! — скандировали его приятели.

И тут Тринадцатый услышал лучший в мире звук. То бил большой колокол, и звон его означал, что у полукровок осталось несколько минут, а значит, надо поторопиться и поскорей встать в строй. Господин Чихотник вышел во двор, строго поглядел на хулиганов и жестом приказал им поторопиться.

С отвращением глянув на бедный шар из пуха, Щипач бросил его на землю. Под зверьком тихо хлюпнула грязь. Щипач повернулся к Тринадцатому:

— Я тебе придумал новое имя, Лопух! Теперь тебя зовут Лужа. В луже тебе самое место!

Щипач кивнул своим подручным, и Мут с Орликом немедленно бросили Тринадцатого носом в лужу.

— И кстати, — добавил Щипач, — я буду присматривать за тобой, Лужа. Имей в виду, я всегда рядом. Усек, дружок?

С этими словами он развернулся и пошел через двор. Мут и Орлик трусили следом, словно овцы за пастухом.

Артур и Гайка

ТРИНАДЦАТЫЙ заставил себя встать и машинально пригладил ухо. «Повезло, что не откусили, — подумал он про себя. — Что-то будет дальше...»

Он бережно поднял лежавшее в грязи существо. Понять, где у него голова, а где хвост, было невозможно. Зверушка судорожно чирикнула, развернулась и застыла брюшком вверх. Что ж, по крайней мере, она была жива. Тринадцатый слышал, как часто бьется ее крохотное сердце.

Он бережно коснулся ее головы. То, что на первый взгляд выглядело мехом, оказалось темно-коричневыми, испачканными в грязи перьями. На земле лежала птица, бескрылая, с двумя поросшими пухом выростами на месте

крыльев. Хвоста у нее не было вовсе. На одном заменявшем крыло бугорке проступала кровь, но едва-едва, что было особенно странно, учитывая, как жестоко бедолагу швыряли туда и сюда. Длинные горчично-желтого цвета лапы оканчивались тремя длинными пальцами каждая. Длинный тонкий клюв загибался на конце.

Затрепетали веки. Птичка открыла глаза и посмотрела на одноухого полукровку, который ответил ей таким же внимательным взглядом. Тринадцатый ощутил, как в этот краткий миг между ними что-то произошло, но что, он не знал. И все же это было замечательное чувство — теплое, загадочное, такое чудесное.

— Все... все хорошо, — прошептал он. — Они ушли.

Снова зазвонил колокол. Время вышло.

— Х-хочешь, я тебя п-понесу? — предложил Тринадцатый.

Птичка отрицательно покачала головой. Он поставил ее на землю. Одна птичья лапка стояла немного нетвердо, но в целом птичка выглядела на удивление неплохо.

Тринадцатый опустился на колени рядом с ней.

— Как ты себя чувствуешь?

— Со мной все будет хорошо.

— Извини, что я н-не сразу...

— Ну что ты, — возразила птичка, — ты вел себя так храбро! Кстати, меня зовут Гайка. А тебя как зовут?

— У м-меня нет имени. Меня называют п-просто Три-

надцатый, или... — Он моргнул. — Наверное, т-теперь будут звать Лужей. Ты новенькая? Я не видел тебя на переключке.

— Я же маленькая. Меня часто не замечают.

— А, ну да, т-то есть... я в хорошем смысле, — спохватился Тринадцатый. — Давай я отведу тебя в лазарет.

— Не надо, не стоит. Попрыгаю, разомнусь, и все пройдет, — отмахнулась Гайка.

Колокол прозвенел в последний, третий раз. Это означало: «Всем встать в строй, не то пожалеете!» Почти все сироты, включая Шипача и его банду, уже стояли один за другим. Господин Чихотник размахивал веслом, подгоняя отстающих.

— Надо идти, — спохватился Тринадцатый.

— Знаешь, я не хочу называть тебя Лужей или каким-нибудь дурацким числом. Дай подумать... — протянула Гайка так, словно им вовсе некуда было торопиться.

— С-скорее! Мы же...

— А как тебя звали дома? — перебила его Гайка.

— Я... я не знаю. Я не помню свою семью. Послушай, пойдем скорее, не то...

— Ой, прости, пожалуйста! Я тоже потеряла всю семью. Это было лет пять назад. Я успела пожить в двух приютах,

этот третий. Ах, да не важно. Надо подобрать тебе подходящее имя. Ну-ка... Я буду звать тебя... Знаю! Я буду звать тебя Артур! Это имя тебе подходит!

И Гайка замахала своими куцыми крылышками, радуясь находке. Будь у нее настоящие крылья, в этот миг она взлетела бы в воздух.

— Ост-торожно!

— Ничего, почти не больно, — откликнулась Гайка. — Зато у тебя теперь есть имя! Тебе нравится? По-моему, оно тебе отлично подходит. Но самое главное — чтобы тебе нравилось.

— Артур... А почему Артур?

— Потому что Артур был самый великий и храбрый король!

— Правда?

— Да! Ты что, не знаешь эту историю?

— Какую?

— О короле Артуре, и Гвиневре, и о волшебнике Мерлине, и о Камелоте, о Ланселоте и храбрых рыцарях Круглого стола, Экскалибуре, и о том, как рыцари искали Святой Грааль, и... в общем, это длинная история, и даже не одна. И каждый рассказывает ее по-своему.

Тут Тринадцатый окончательно запутался.

— А что такое Грааль? — спросил он.

Мистер Чихотник закричал на них с другого края двора и стал тыкать пальцем в дверь.

— Я тебе потом расскажу, — пообещала Гайка. — В общем, теперь тебя зовут Артур!

И они пошли к двери.

— З-знаешь, это неправильно так меня звать. Я не к-король, и я не храбрый. Пусть я буду просто Лужа, а? Бывают имена и похуже.

— Никакая ты не лужа! — рассердилась птичка. — Ты не испугался хулиганов! Значит, ты самый настоящий король! Король полукровок!

Тринадцатый покорно пожал плечами.

— Одно имя, другое... какая разница?

— Еще какая! Ну, значит, решено. Я буду звать тебя Артуром. Договорились!

И хотя господин Чихотник уже всю размахивал своим веслом, Гайка скакнула вперед и преградила путь Тринадцатому.

— Если бы у тебя был меч и кольчуга, ты был бы совсем как рыцарь, Артур, — сказала она и отвесила поклон.

Тринадцатый был потрясен, втайне счастлив и вдобавок страшно устал, поскольку никогда еще не говорил так долго с другим живым существом.

— П-пойдем скорее!

И двое неловких существ в синяках и царапинах — одно маленькое, а другое и того меньше — захромали вперед под проливным дождем.

